

МОТИВАЦИЯ И ДУХОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Д. Т. Джафарова

ФЕНОМЕН СТАРОСТИ В ДУХОВНОМ ОПЫТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу возрастного процесса, в контексте социальных, культурных и исторических изменений, потому как развитие общества и жизнь людей проходит в социокультурном пространстве, которое оказывает и непосредственное и опосредованное влияние на человека. Специфической особенностью традиционных форм культуры является отношение к возрасту, то есть здесь имеют место ярко выраженные качественные характеристики. В различные периоды развития человеческого общества отношение к старости было опосредовано социокультурными особенностями этой эпохи. Базовыми понятиями исследования выступают «пожилой человек», «проблемы пожилого человека», «старость». Системный анализ позволил дать комплексное определение этих понятий. Историко-генетический метод позволил выявить общую тенденцию изменения отношения к пожилому человеку в период перехода от форм традиционной культуры к формам современной техногенной, инновационной, постмодернистской культуры. Новизна исследования заключается в том, что выявлено проблемное поле философского анализа человека находящегося на завершающем этапе жизненного пути, отношение к старости в духовном опыте человечества, в различных социальных культурно-исторических типах.

Ключевые слова: старость, духовность, общество, цикл жизни, человечество, традиционная культура, культурно-исторический тип, смена поколений, преемственность, опыт.

Феномен старости невозможно исследовать без учета социальных, культурных и исторических условий, так как развитие общества и жизнь людей проходят в социокультурном пространстве, которое оказывает и непосредственное и опосредованное воздействие на формирование человека. Как сложный социокультурный феномен, особенности пожилого возраста могут быть восприняты в контексте социокультурной вариативности.

Индикатором цивилизованности общества, наряду с прочими, является отношение к возрасту. Различные социокультурные образования доиндустриальной эпохи отличались тем, что из-за небольшой продолжительностью жизни, старость значительно смещалась к началу жизни, а достижение старости воспринималось как редчайший дар. Жизнь древнего человека была короче жизни современного, жизненный цикл носил гомогенный, более «сжатый» характер. Осознание краткости

человеческого бытия, без которого осмысление жизненного пути немислимо, с одной стороны, зависело от содержащегося в данном культурно-историческом типе понимания культурной универсалии — времени. М. С. Каган говорит о следующем: разница между традиционным обществом и персоналистским обнаруживается в том, что господство традиции останавливает время, так как жизнь общества консервируется, не претерпевает изменений на протяжении столетий; прошлое «увековечивается», подчиняя настоящее и будущее. Значение времени в социальном бытии сводится к минимуму, а порой и вовсе теряет значение»¹.

Характерной чертой традиционного общества является одновременность социального и физического созревания человека. Очевидно, что

¹ Каган М. С. Диалекта бытия и небытия в жизни человеческого общества // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. Вып. 1–2. С. 52.

в мифопоэтической картине мира, в которой три модуса времени соприступают, а жизнь человека вплетена в общую канву природно-космических циклов, осмысление собственного жизненного пути затруднено, осмысление неизбежности приближения конца становится иным, нежели в «осевое» время, когда человек остается наедине с самим собой, собственной жизнью. В традиционной культуре присутствует связь человека с положением, которое он занимает в возрастных группах, и которое после будет заполнено другими членами традиционного общества. Маленькие мальчики, пишет Э. С. Львова, пасли мелкую скотину, мужчины от 15 до 40 лет уже становились воинами и смотрели за крупным рогатым скотом или верблюдами, от 40 до 55 лет мужчины имели право руководить военными и политическими делами, они реализовывали функции исполнительной власти; исполнялись жреческие функции от 55 до 70 лет; решающим голосом в делах народа обладали мужчины в возрасте от 70 до 85, старше этого возраста мужчины считались недееспособными, и потому исключались из жизни общества. В тропических африканских странах существует традиция признания права пожилого старейшины получить от сыновей помощь для того, чтобы достойно уйти из жизни. Старый человек приносить пользу обществу уже не может, и потому не хочет вести жалкую жизнь обузы для окружающих, представлять зрелище дряхления на фоне восторженного восприятия жизни молодежью. Старый человек хочет «доброй» смерти, а не мучительной, проходящей в болезнях или отчаянии от полного бессилия.

В традиционном сознании присутствует представление о том, что покойники-предки охраняют человеческий род от природных бедствий, защищают близких в повседневной жизни, оберегают их в тяжелый час, защищают плодородие их земель, плодovitость стад... Считается, что умершие предки помогают сохранять нравственность и здоровье общества. Авторитет предков гарантирует сохранность всех моральных ценностей и норм.

Люди старшего поколения передают опыт нравственно-чувственного и информационно-интеллектуального потенциала тем, кто только начинает самостоятельный путь по жизни, кто сменит их в этой жизни. В культурах, которых дети учатся от старших поколений, прошлое их (предшествующих) оказывается будущим новых, т.е. прожитое родителями — это схема будущего для детей. Представители старшего поколения не могут вообразить себе никаких перемен и поэтому своим

потомкам передают только чувство неизменной и вечной преемственности жизни¹.

Человеческая жизнь в традиционной культуре рассматривается как цикл переходов от одного возраста к другому, где большое значение имеет непосредственно переход из одной группы в другую. Представители старшего поколения являются хранителями народной мудрости и традиций, этот возраст всегда сопровождался глубоким уважением и трепетным к нему обращением.

Среда обитания становится частью, живым организмом жизнедеятельности родового коллектива, по выражению исследователя культуры долгожительства Кавказа Я. В. Чеснова «телом этноса». Такое проявление можно обнаружить в культуре абхазов, у якутов, у народов на границе Индии и Пакистана, у тех народов, у которых присутствует относительная связь длительности человеческой жизни с ее образом, складывающимся из включенности в природную среду, в жизнедеятельность человека². Свидетельством такой жизни может служить и традиционная культура народов Северного Кавказа, где жизнь человека соотносена с природным миром. Так, например, у абхазов дом, построенный из каштановых досок, благоприятен для жизни. Есть запретные для проживания природные зоны, существует так же запрет использования природных ресурсов больше нормы, а только в объеме крайне необходимом для поддержания человеческой жизни. Нарушение этих правил ведет к сокращению жизни человека, а, следовательно, и к преждевременной смерти.

В Ведической литературе в первых дхармасутрах излагается система четырех периодов жизни, которая относилась только к мужчинам из трех высших варн. Нас интересует третья стадия, когда дети уже становятся самостоятельными, мужчина переходит в стадию «лесного отшельника» (*вананпратха*), он не порывает полностью с обществом, удаляется в лес и в течение многих лет ведет там аскетический образ жизни, тем самым пытаясь достичь внутреннего совершенства. Лесные отшельники как мудрецы (*риши*), живут в идеальном лесном убежище со своей семьей, женой и детьми, совершают там жертвоприношения, используют практику различных форм йоги. Ощущая наступление конца, после ритуала прощания с окружающим миром, который

¹ Андреев И.Л. Детство и «детство» в африканском контексте // Человек. 2001. № 6. С. 152.

² Чеснов Я.В. Ландшафт — внутренняя телесность долгожительской культуры абхазов // Философские науки. 2008. № 3. С. 81.

выражен в символическом поглощении жертвенных огней, мужчина переходит в состояние полного аскетизма (*санъясин*). Продолжительность жизни человека опосредована действием определенных моральных законов.

В китайской культуре долголетие является одной из главных ценностей. Осмысление даосизма позволяет понять специфику китайской религиозности. В даосизме святость достигается через искусство обретения бессмертия. Ради достижения долгой жизни применялись все возможные искусства, которые преследовали достижение особого состояния, где «не было места для смерти». Образ жизни, связанный с «освящающей гигиеной», известен под древним названием «ян шэн», или «искусство вскармливать жизнь». Эта практика включала дыхательные и гимнастические, пищевые и сексуальные приемы. В 70-е годы двадцатого столетия китайские ученые обнаружили древние захоронения III–II вв. до н.э., в которых был найден обширный материал по проблемам медицины, сексологии и диетологии. В конфуцианстве, которое стало официальной философской доктриной Китая, в частности в «Книге о сыновней почитательности» содержатся поучения: поверить в реальность осуществления Пути и прославить имя свое для потомков, для того, чтобы показать миру, каковы твои мать и отец, это и есть сыновняя почитательность во всех ее проявлениях.

Начиная с древности, в Китае делили человеческую жизнь на равные отрезки времени, а именно: жизнь мужчины управлялась числом восемь, а жизнь женщины — семь. Конфуций говорит о своем жизненном пути:

*«В пятнадцать лет я обратил свои
помыслы к учению,
В тридцать лет я имел прочную опору.
В сорок лет у меня не осталось сомнений.
В пятьдесят лет я знал веленье Небес.
В шестьдесят лет я настроил свой слух.*

*А теперь в свои семьдесят лет я следую влечению сердца, не преступая правил...»*¹. Высочайшим достижением человека в старости в традиционной культуре Китая считается обретение мудрости, поэтому пожелание долголетия в Китае служит традиционной формой приветствия. В силу того, что достижение мудрости невозможно без опыта бытия, полно и счастливо прожитая, осмысленная жизнь не может быть краткой.

Неоднозначное отношение к пожилым людям и к старости было характерно для культуры античности. В древнегреческих трагедиях старики обладают почти сверхъестественной энергетикой, и одновременно в античной Греции самоубийство людей старше шестидесяти лет не только поощрялось, но было возможным умерщвление и без личного согласия человека. По иному изображали стариков римляне, которые в своих сатирических произведениях, подчеркивали противоречивость экономических или политических привилегий стариков с их физической слабостью, вызывающие у публики негодование: эти остатки людские имеют право управлять обществом, принимать решения, судить и тиранить семьи свои (С. де Бовуар).

В христианской религии иное, отличное от языческого, понимание человеческой сущности. Человеческая жизнь представляется как божий дар, которым человек может распоряжаться. Жизнь человека прерывается смертью, останавливая бесконечное накопление грехов. Старость в христианстве наполнена метафизическим смыслом. Возможности человеческого долголетия находятся в зависимости от нравственных оснований человека, праведники «и в старости плодовиты, сочны и свежи» (Пс. 91: 15). О месте старости в религиозной культуре, которая опирается на авторитет традиции, указывает учение из Книги Сираховой: «не удаляйся от повести старцев, ибо и они научились от отцов своих, и ты научишься от них рассудительности и — какой в случае надобности дать ответ» (Библия. Ветхий Завет. 17: 3). В христианской культуре высшим проявлением сущности старости является старчество, которое выступает как высочайшая форма нравственного подвига и духовной жизни. Феномен старчества связывают с именем основателя монашества Антония Великого, который утверждал: «Твердо знайте, что ни преуспеть, или возрасти и сделаться совершенным вы не можете, ни уметь верно различать добро от зла вы не будете, если не будете повиноваться отцам вашим. Отцы ваши сами так поступали: повиновались отцам своим и их наставления слушали; оттого и преуспели, возросли и сделались сами учителями»². Период скитских монастырей, которые появились в Египетской пустыне, считается золотым веком в хронологии старчества. Старчество играет так же серьезную роль в отечественной православной культуре.

Э. Дюркгейм считает, что почитание возраста обратно пропорционально росту цивилизации.

¹ Малявин В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 42.

² Цит. по: Волкова Т. Н. Социальные и психологические проблемы старости // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 120.

Вероятно, что речь идет о западной цивилизации, которая, начиная с XVII века, развивается как эпоха технического обновления. Очевиден тот факт, что в домашинную эпоху новые поколения могли обойтись опытом, знаниями и умениями, которые получали от уходящего поколения, то в постоянно обновляющемся обществе, жизненный мир человека подвергается таким скоростным изменениям, что человек рождаясь в одной эпохе, уходит из жизни в другой. Прежние межпоколенческие связи оказались прерванными, оборвалась и связь времен. Каждое новое поколение, которое вступает в жизнь, в постиндустриальном обществе самостоятельно усваивает те знания и умения, т.е. тот социальный опыт, который не передается старшими поколениями. Накопленный старшими поколениями опыт обесценивается на фоне ускорения темпов научно-технического прогресса, что приводит к большому разрыву в социальном опыте поколений. Патриархальные отношения разрушаются все большее, широко распространяется форма нуклеарной семьи, это способствует обособлению, изолированию поколений. «В результате, пишет современный отечественный исследователь, поколение в современном обществе превращается в систему самовоспроизводящихся, т.е. самостоятельно определяющую собственные границы, с сугубо внутренним характером общения, коммуникации, закрытым для других систем»¹. Р. Хилл, американских социолог, исследователь проблем семьи и брака, указывает, что новые отношения между поколениями (как вертикальные, так и горизонтальные связи с родственниками) являются добровольными и необязательными, позволяющими осуществлять экстенсивный обмен вещами и услугами, не нарушая оси преданности и любви, которая сейчас сдвинулась от *межгенерационных единокровных уз в сторону супружеских отношений* с одним партнером. Отказ от патриархальных, клановых отношений приводит к значительному сокращению роли традиционных социальных регуляторов в жизни людей: обычаи, традиции уходят, теряют свою значимость, что приводит к неопределенности регулятивных механизмов смены поколений. Прогрессивные достижения в экономике, которые наметились в конце XIX века, способствовали переходу к новому более высокому качественному уровню жизни служащих и квалифицированных рабочих. Процесс этот наблюдаемый, прежде всего, в передовых, экономически развитых

странах и является одной из причин увеличения продолжительности жизни, которая, в свою очередь служит детерминантом для появления новых этапов жизненного цикла человека.

В сегодняшнем мире долголетие перестает быть особой привилегией высших слоев общества, продолжительная старость редким явлением, а долгожительство уникальным. Период зрелости человека становится более продолжительным, и, более того, подвергается дополнительному членению. Складывается новая современная возрастная иерархия. Процессы ускорения темпов экономического роста углубляют расслоение современного социума по возрастным стратам, что провоцирует процесс отчуждения, замыкания возрастных групп в рамках субкультуры. Доминирующей субкультурой в эпоху Модерна становится неизбежно молодежная субкультура. Современный мир основывается на принципах конкуренции, что проявляется и в межпоколенческих отношениях. Антигуманная политика отстранения людей пенсионного возраста от работы начинает распространяться уже с конца XIX века². Пожилые люди «начинают раньше и проигрывают», так как они вытесняются молодым поколением, входящим в жизнь. И, как следствие, пожилые люди пытаются «затягивать зрелость», для того чтобы не попасть в положение социальных аутсайдеров.

Современная маркетинговая политика выстроена так, что основными потребителями и материальных и духовных благ является молодое поколение. Масс-медиа переполнены сияющими лицами в основном молодых людей, на них ориентируется большинство рекламных роликов, баннеров и магазинов, ежедневно в интернете появляются группы с расчетом на молодежь. Традиционные средства коммуникации используются все меньше, виртуальное общение заменяет непосредственный диалог между людьми, а эти новые коммуникативные формы сложнее усваиваются людьми старшего поколения. Эта ситуация приводит к состоянию отчаяния и ощущению, что ты выключен из жизни, как будто наблюдаешь за жизнью со стороны, а она проходит мимо. Такая ситуация приводит к дистанцированию поколений в социальном пространстве, т.е. происходит разделение как зоны труда, так и зоны быта и поселения. «Сегодняшние дети, писала М. Мид в работе «Культура и мир детства», вырастают в мире, которого не знали старшие,

¹ Козлова Т. З. Социальное время пенсионера // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 133.

² Петрова Т. А. Особенности восприятия старости как социокультурного феномена в современном обществе // Психология зрелости и старения. 2006. № 1. С. 89.

но некоторые из взрослых предвидели, что так будет. Те, кто предвидели, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно»¹. В информационном обществе появляется проблема противостояния поколений в такой форме, в которой она не была известна предыдущим социокультурным сообществам. Эта проблема отражена в работах Л. Козера, Г. Зиммеля, З. Фрейда, Р. Дарендорфа, которые дали теоретическое обоснование проблеме противоречия поколений.

В начале 60-х г. XX века в странах Европы и США сложилась новая демографическая ситуация, связанная с гибелью людей старшего поколения во Второй Мировой войне, что привело к существенному росту доли молодежи среди населения, появляется новая молодежная контркультура, которая обострила конфликт поколений, отвергла жизненные основы старшего поколения отцов. В «Очерках об освобождении», написанном в 1969 году, Г. Маркузе определяет конфликт между поколениями как вполне естественный процесс, который заложен в антропологическую структуру человеческих потребностей. О борьбе поколений, которая начинается с первобытных времен и ведется непрерывно, с разной степенью активности, писал в «Поколенческом манифесте» американский социолог Л. Фойер, но тут же он отмечает, что она никогда не заканчивалась победой молодых, так как молодежь неизбежно выходила из своего возраста в процессе противостояния.

Специфической особенностью современного общества в отличие от традиционного является глобальная устремленность в будущее. Современный человек не видит в этом будущем место старости. Формирование в общественном мнении новой «ценности» юности в западной культуре перевернуло представления о старости: старик «исчез», пишет Ф. Арьес. В современном модернизирующемся обществе сложился культ красоты и молодости. Человек при этом стремится преодолеть смерть, для того, чтобы вернуться в жизнь снова. Появляется надежда на медицинское вмешательство в момент смерти, которое позволит вернуться в жизнь молодым и здоровым. Формируется новая утопическая теория преодоления смерти на научной основе. Н. Бердяев пишет, что верование в природное, естественное бессмертие бесплодно и безотрадно, для такой веры

нет, и не может быть никаких жизненных задач, а самое оптимальное скорее умереть, и через смерть разделить душу и тело, уйти из мира. Концепция естественного бессмертия приводит к оправданию самоубийства. «На собственную смерть люди просто закрывают глаза, ибо в новой концепции жизни и мира для нее нет места», считает Гарнокур². В книге «Смерть и бессмертие» З. Байман проводит социологический анализ, согласно которому в эпоху модернизации в социокультурном пространстве существует идея преодоления смерти, более того постмодернизм формирует безразличное отношение к смерти, как к чужой так и забвение своей смерти. Это отношение формируется ситуацией тотального вторжения смерти в повседневность через мультимедийное пространство, массовое тиражирование визуальных образов смерти профанируют гуманистический статус, индивидуальность и личностную значимость последней. Современные утопии связывают будущее человека с развитием биотехнологий. Крепкое физическое и психическое здоровье, способность достигать высших положений в различных областях деятельности, счастливая, комфортная, активная и бесконечная жизнь становятся главными объектами вождения.

Таким образом, отношение к смерти и старости в современном обществе иное, они рассматриваются как процессы, не являющиеся частью биологической жизни. «Изменения тела человека не зависят более от жесткого — процесса старения»³. Современное понимание жизни и смерти связываются с успехами науки, которая воздействует на человеческую телесность. В середине прошлого века человеку могли пересадить около тридцати пяти «запасных частей», сегодня эта цифра значительно увеличилась. Технологии двадцать первого века привели к появлению движения трансгуманизма, которое становится все популярнее в развитых странах. Главное положение трансгуманизма — это неоспоримое право человека продлевать свою жизнь. В 60-х годах XX века Р. Эттингер предложил замораживать останки человека для сохранения их, пока наука откроет технологии «воскрешения». «В последние годы, по официальным данным, только

² Гарнокур Ф. Жизнь в «тени смерти» (Лк. 1: 79) // Подготовка к собственной смерти утраченная глава в христианском духовном воспитании. Материалы конференции, 24–25 октября 2002 г. М.: ИНДРИК, 2006. С. 243.

³ Суковатая В. А. Антропология смерти как Другого в визуальных политиках Постмодерна // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 167.

¹ Мид М. Культура и мир детства // Антология культурологической мысли. Авторы-сост. С. П. Мамонов, А. С. Мамонов. М.: Изд-во РОУ, 1996. С. 301.

в три действующих на территории США крионических депозитария поступило около 100 замороженных тел (по неофициальным — около 120, в их числе У. Дисней и С. Дали). Клиентами крионических компаний люди становятся еще при жизни, ежегодно их число увеличивается на 200–250 человек. Сейчас в очереди на посмертную заморозку стоят более 1,5 тысячи человек»¹.

Современные технологии существенно продлевают жизнь, современные медикаменты меняют этические представления о понимании счастливой и полноценной жизни. Этика сегодняшнего дня преодолевает старость всеми возможными средствами, удаляя ее (старость) в некую изоляцию. Отчуждение вызывает утрату независимости и контроля человека над собой, Потеряв независимость и контроль над своим телом, человек обречен на страдания и это состояние интерпретируется как утрата достоинства².

Сбывается предсказание Ницше о том, что в определенном смысле продолжать жизнь дальше неприлично. Прозабавать в жалкой и малодушной зависимости от медикаментов и манипуляций врачей, тогда, как назначение жизни утрачено, равно как и свет жизни, это вызывает как минимум общественное презрение.

Список литературы:

1. Бабочкин П.И., Камалдинова Э. Ш. Социальная и культурная реальность современного российского общества // *Философия и культура*. 2012. № 8. С. 41–45.
2. Волкова Т. Н. Социальные и психологические проблемы старости // *Вопросы психологии*. 2005. № 2.
3. Волох В. А. Практика работы институтов гражданского общества в сфере миграции населения // *NB: Проблемы общества и политики*. 2013. № 6. С. 105–136. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_598.html).
4. Гранин Р. С. Опыт эсхатологической метафизики Н. А. Бердяева // *NB: Философские исследования*. 2012. № 5. С. 101–123. (DOI: 10.7256/2306-0174.2012.5.205. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_205.html).
5. Пулмэн Д. Достоинство человека, боль и страдание // *Человек*. 2001. № 3.
6. Суковатая В. А. Антропология смерти как Другого в визуальных политиках Постмодерна // *Общественные науки и современность*. 2006. № 4.
7. Филипенко С. А. Личностное знание и личностный опыт в процессе самосознания // *Философия и культура*. 2012. № 11. С. 109–119.
8. Фромм Э. *Иметь или быть?* М., 1990.
9. Христенко О. В. *Философско-антропологический анализ старости*. Дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2008.

¹ См.: Христенко О. В. *Философско-антропологический анализ старости*. Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2008. (<http://www.v.sb.by/print.php?articleID=15772>).

² Пулмэн Д. *Достоинство человека, боль и страдание* // *Человек*. 2001. № 3. С. 113.

В развитых странах западного мира, где возрастной уровень населения достаточно высок, (Япония, США) социально востребовано поколение активных трудоспособных людей. Хотя в последнее время отмечается размывание представлений о возрастных этапах жизненного цикла. В современном обществе наблюдается тенденция к унификации форм и стилей общения. Например, в Японии, Германии и Франции отмечается активное возрастание влияния пожилых людей в различных сферах, от политики до внутрисемейных. В условиях современного духовного кризиса осмысление и выработка нового отношения к проблемам пожилого человека, обращение к богатому опыту и сохранению наследия старшего поколения может послужить отправной точкой к выходу из сложившегося кризиса духовной культуры. И, хотя «общий уровень толерантности в российском обществе значительно ниже, чем в развитых странах и имеет тенденцию к дальнейшему падению»³, духовность, традиции и сохранившиеся элементы патриархального сосуществования, содержащие в себе глубокий гуманистический потенциал, помогут формированию современного российского общества, с опорой на богатейший опыт предков, который позволит преодолеть деструктивные явления новой России.

³ Омарова З. У. *Этноконфессиональная толерантность — фактор социально-политической стабильности государства* // *Философия и культура*. 2011. № 9. С. 98.

10. Чеснов Я. В. Ландшафт — внутренняя телесность долгожительской культуры абхазов // *Философские науки*. 2008. № 3.
11. Юдин Б. Г. Мера всех наук. Человек-наука-гуманизм. Еще раз о перспективах человека // *Человек*. 2004. № 4.

References (transliteration):

1. Babochkin P.I., Kamaldinova E. Sh. Sotsial'naya i kul'turnaya real'nost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva // *Filosofiya i kul'tura*. 2012. № 8. С. 41–45.
2. Volkova T. H. Sotsial'nye i psikhologicheskie problemy starosti // *Voprosy psikhologii*. 2005. № 2.
3. Volokh V. A. Praktika raboty institutov grazhdanskogo obshchestva v sfere migratsii naseleniya // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. 2013. № 6. С. 105–136. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_598.html).
4. Granin R. S. Opyt eskhatologicheskoi metafiziki N. A. Berdyaeva // *NB: Filosofskie issledovaniya*. 2012. № 5. С. 101–123. (DOI: 10.7256/2306-0174.2012.5.205. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_205.html).
5. Pulmen D. Dostoinstvo cheloveka, bol' i stradanie // *Chelovek*. 2001. № 3.
6. Sukovataya V. A. Antropologiya smerti kak Drugogo v vizual'nykh politikam Postmoderna // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2006. № 4.
7. Filipenok S. A. Lichnostnoe znanie i lichnostnyi opyt v protsesse samosoznaniya // *Filosofiya i kul'tura*. 2012. № 11. С. 109–119.
8. Fromm E. *Imet' ili byt'?* М., 1990.
9. Khristenko O. V. *Filosofsko-antropologicheskii analiz starosti*. Diss. ... kand. filos. nauk. Rostov n/D., 2008. (<http://www.sb.by/print.php?articleID=15772>).
10. Chesnov Ya. V. Landshaft — vnutrennyaya telesnost' dolgozhitel'skoi kul'tury abkhazov // *Filosofskie nauki*. 2008. № 3.
11. Yudin B. G. Mera vsekh nauk. Chelovek-nauka-gumanizm. Eshche raz o perspektivakh cheloveka // *Chelovek*. 2004. № 4.